Михаил Евграфович Салтыков–Щедрин

27 января 2026 года юбилей (200 лет) великого русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Где современный человек ищет информацию «к дате»? В интернете. Ну что ж, посмотрим и мы. Так, самые популярные статьи о писателе – глумливые. Ну, от Салтыкова-Щедрина не убудет, Пушкин уже ответил всем, смакующим настоящие или вымышленные подробности жизни великих людей: «<великий человек> и мал и мерзок — не так, как вы — иначе» — цитата из письма А. С. Пушкина П. А. Вяземскому куда резче. Убудет от тех, кто ничего, кроме глумливых статей не читает, не читает и Салтыкова-Щедрина. Убудет, потому что каждый писатель-классик – это человек, открывший для людей некий нравственный закон, который так же непреложен, как законы физики. И отмахнуться от них так же опасно, как от закона Ома, например.

Так что же сказать о Салтыкове-Щедрине? О его распрекрасном дворянском детстве? Кстати, настоящая фамилия Михаила Евграфовича – Салтыков. Щедрин – псевдоним, под которым публиковал свои произведения чиновник довольно высокого ранга, вице губернатор Михаил Евграфович Салтыков, к которому следовало обращаться «Ваше высокородие». Соединили фамилию и псевдоним только в XX веке, и эта традиция закрепилась в нашей литературе.

При изучении биографии Салтыкова-Щедрина не оставляет странное ощущение, что этому человеку в детстве и юности не везло.

Начнём с того, что он был высокородием только по чину. Он не принадлежал к знатнейшему, богатому и влиятельному боярскому роду Салтыковых. Фамилия его предков была Сатыковы. Но один из пращуров самовольно вписал заветную букву «эль» в фамилию, за что, говорят, был бит батогами. Однако букву из фамилии не изъяли. Правда, и после этого самозваные Салтыковы остались мелкопоместным провинциальным дворянским родом из глухого и захолустного Пошехонья.

Евграф Васильевич Салтыков, отец писателя, женился поздно, сорока лет на пятнадцатилетней московской купеческой дочери Ольге Забелиной. По семейному преданию, вначале своего замужества она была весёлой бойкой молодкой, называла горничных подружками, играла с ними песни да взапуски бегала. Но суровый быт новой семьи, чуждое окружение, появление детей, а в 25 лет у неё их было уже шестеро, сделали своё дело. Молодость с неё, как тогда выражались, очень быстро соскочила. Да ведь и имением надо было заниматься. В отличие от благородного супруга, хозяйкой она была талантливой. Она расширяла свои владения, приобретая земли и крестьян, и очень скоро это самое приобретательство выродилось в неприкрытое стяжательство. Впрочем, как и почему это произошло, читайте в романах

Михаила Евгрфовича «Господа Головлёвы» и «Пошехонская старина». Они по сути являются автобиографией писателя.

Но самым разрушительным для души Ольги Михайловны было то, что и она, и семья её со всеми чадами и домочадцами были частью «крепостнической мистерии» с безобразными картинами унижений, оскорблений и истязаний одних людей другими при полной безнаказанности последних. Такая крепостная практика была привычной и для помещиков, и для крестьян. И это было самое страшное. Юная Ольга Михайловна из весёлой купеческой дочки, с восторгом описывающей мужу, как мил её Мишенька, как она его любит, превратилась в жестокосердную крепостницу-помещицу, для которой крепостными были не только крестьяне, но и муж, и дети. Детей так же секли, как секли крепостных. Не случайно первым впечатлением жизни у этого самого Мишеньки была порка. Свист розг и плач – вот лейтмотив всего раннего детства Салтыкова-младшего. Удивительно, что при таком воспитании Михаил Салтыков не принял из рук родителей эту эстафету – стать «диким помещиком», он возненавидел крепостное право, убивающее человечность не только в помещиках, но и в их холопах. При этом он с ужасом чувствовал, что крепостная практика уже свила в нём прочное гнездо. Миша пытался сопротивляться и порывы свои бить крепостных по лицу, даже в праведном негодовании, он считал постыдными, и всю жизнь посвятил уничтожению этой самой «крепостной практики».

Так что не было у маленького Миши Салтыкова безмятежного детства. Не повезло.

Раннее детство кончилось в 1836 году. Маменька Ольга Михайловна была рачительна и считала, что хорошее образование – как бы сейчас сказали - инвестиция, вложение в будущее благосостояние. В 1836 году Мишу вслед за братом отправили учиться в московский Дворянский институт. Тот самый, где учились Жуковский, Грибоедов, Лермонтов, братья-декабристы Тургеневы. Традиции, дух дворянского свободомыслия, хорошие научные знания, подготовка к университету, - скажете вы. Не тут то было. Юному Салтыкову не повезло. Его величество император Николай II посетил Пансион. И воспитанники – о, ужас! – его не узнали, и, не обращая внимания на венценосную особу, продолжали заниматься своими мальчишескими делами – перемена ведь была! Дальше – хуже. В списках лучших выпускников пансиона царь увидел фамилии своих злейших врагов – декабристов. Меры были приняты незамедлительно: пансион был реформирован в казённую гимназию, дух свободомыслия искоренён. Главным воспитательным средством в институте стала розга. Вот в такое заведение и поступил десятилетний Михаил Салтыков. И всё же Москва это

не столица. Всё же связь с университетом ещё сохранялась. Первые ученики по успеваемости имели преимущества при поступлении. Михаил страстно желал стать студентом именно московского университета: он любил Москву, любил аудитории, библиотеку университета на Моховой, они ему уже были знакомы. Он думал, что может сам выбрать себе путь. Эта мечта помогала ему переносить тяготы институтского быта. Учился он прекрасно, казалось, ещё два года – и он студент.

Но ему снова не повезло. Его подвела собственная старательность. В Дворянском институте была традиция: каждые полтора года двух лучших учеников отправлять в Царскосельский лицей на казённый кошт. Вот таким «лучшим» и оказался Михаил Салтыков. Он, и его друг Иван Павлов должны были отправиться в Царское село. Отчаянию Михаила не было границ. Он в Лицей не хотел. Он не хотел чиновной карьеры, его влекла литература. А вот для матери, одержимой накопительством, это была несказанная радость. В столицу? Да на всё готовое?! Прекрасный случай дать сыну достойное образование, и при этом не потратиться. Ольга Михайловна была непреклонна. Только Лицей! Разве может двенадцатилетний мальчик сопротивляться воле властных и жестоких взрослых? В апреле 1838 года двух лучших учеников Дворянского института дилижанс увозит против их воли в Царское село.

Как - против воли?! Это же тот самый Лицей, ставший домом Пушкину, «сень дружных муз»! Там же законы лицейского братства, уважительное отношение к ученикам, отдельные спальни для каждого! Да, лицей тот, да не тот. Во-первых, теперь это было учебное заведение, проходившее по военному (!) ведомству. Какое там уважение к личности. Даже отдельные спальни были уничтожены. Казарма – вот идеальная среда для воспитания «государственных младенцев» по мнению военно-педагогических начальников. Во-вторых, учились в нём дети столичной элиты. Мажоры, по-нашему. Или, как их потом называл Салтыков-Щедрин, будущие помпадуры. Науки среди них были не в чести, да и преподавателей вроде Куницына давно уже не было. Что же ценилось? Знатность, принадлежность к высшему свету, одежда по моде, достаток. И вот в этой среде появляется мальчик, чей род к высшему свету не относится?

- Салтыков? Тот? Однофамилец?

- Фи!

Одет он в казённый сюртучок – фи! Без наличности в кармане – фи! И книги любит – умник! Фи!

Михаил Салтыков становится, как сейчас бы сказали психологи, пренебрегаемым. Изгоем. Сопротивляясь травле, он всё чаще попадает в

карцер. Да, в том самом Лицее появился карцер, настоящая пыточная камера для непокорных лицеистов – треугольная ниша, выдолбленная в стене, в которой не только сесть, повернуться было невозможно. Неудивительно, что воспоминания о школе для Михаила Евграфовича остались тяжелейшими, они были подобны незаживающей душевной ране. Однако именно в лицее Салтыков начал писать. И, конечно, стихи – ещё бы! Эти стены всё-таки Пушкина помнили. Писание стихов было под запретом. Куда бы Михаил листы со стихами ни прятал, даже в сапог, они изымались, и автор отправлялся в карцер. И всё же ему удалось опубликовать своё стихотворение «Лира» в «Библиотеке для чтения».

В Лицее судьба свела Михаила Салтыкова с лицеистом-выпускником Михаилом Буташевичем-Петрашевским, Да, это тот самый Петрашевский, в знаменитый кружок которого входил молодой Фёдор Достоевский. Тот самый Петрашевский, которого, как и Фёдора Михайловича Достоевского, приговорили к расстрелу и после инсценировки казни отправили на бессрочную каторгу. Но это произойдёт несколько лет спустя. А покуда он такой же изгой, как и Михаил. Этот юноша был одержим идеями французских социалистов-утопистов, и ему тоже внушала отвращение крепостная практика. На этом они и подружились. Их дружба не закончилась с выпуском Петрашевского из Лицея. Лицеисты старших классов имели возможность по праздникам выезжать в столицу. Этой возможностью пользовался и Михаил Салтыков – в Петербурге жил его старший брат. Там встречи с Петрашевским продолжились. Как начинающий поэт, Салтыков был вхож в писательский круг. Так в доме Михаила Языкова он впервые увидел Белинского. А это был подлинный властитель дум молодёжи того времени. Юношеское увлечение Белинским во многом определило дальнейший путь Михаила Салтыкова, который, в конце концов, приведёт к тому, что в русской литературе появится «злой сатирик литератор» Н.Щедрин, известный нам как Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Если спросить об открытиях, сделанных Салтыковым-Щедриным, то просто перечитайте его книги. Перечитайте уже затем, чтобы «История одного города» перестала быть на удивление современной до сих пор.

©Сычева Любовь Евгеньевна, главный библиотекарь